

Ирина ФОМЕНКОВА

БЫЛА ВОЙНА

О ВЕТЕРАНАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ, ОСВОБОЖДАВШИХ ГРОДНО

Из цикла «Память и беспамятство»

Анастасия Семёновна Герасина прошла Великую Отечественную телеграфисткой в роте связи. В ответ на любой вопрос о войне её серые глаза заволакивает пелена слёз. Рассказывает о себе очень скромно, уверенная, что ничего героического не делала. Всё обыденно и прозаично. Даже чаще не знала, что в том тексте, который передаёт. Как правило, это были шифровки. Целый день: точка – точка – тире... Бежит бесконечная узкая ленточка-змейка. Потом она скатывала её аккуратно в рулончик. Приходил командир, забирал. И всё. Немели от усталости спина, ноги. В минуту передышки голову на руки положит, умудрится даже вздремнуть, чтобы, как от взрыва, очнуться от позывных, и снова бесконечное ти-ти-та-та...

Военную присягу девчата их роты приняли сразу после курсов телеграфисток. Выдали им солдатское обмундирование, обмотки вместо сапог, котелок, лопатку, и – пряником на войну, ту самую, о которой так тяжело вспоминать. А когда Анастасия Семёновна всё-таки разговорилась, мне вдруг приоткрылся удивительный механизм человеческих реакций: чем ближе и страшнее ощущение смерти, тем сильнее хочется жить и быть счастливой хоть в самой малости.

В горькие месяцы отступления они долго шли по выжженной донской степи. В небольших казачьих хуторах люди смотрели на них глазами, полными отчаянья. И Настя с подругами боялась этих глаз, не решалась даже воды попросить. Они находили в балках-овражках застоявшиеся озёрца, процеживали через шинель и пили. Но была потом и другая дорога – дорога к Победе. Когда освобождали Ставрополье, остановилась их рота в станице. И на всю жизнь запомнилась эта земля! После летнего дождя она дышала таким животворящим теплом! Девчонки, отслушавшие свои ти-ти-та-та-та, забывали обо всём, вдыхали запах медовой шелковицы, уплетали приготовленные пригожей хозяйкой вареники с маком. На всю жизнь остались в

памяти Анастасии Семёновны этот кусочек чистого неба и щедрого солнца, прорвавшиеся сквозь ад войны.

Моя собеседница вспоминает, и лицо то искажается мукой, и тогда она замолкает, и это молчание кажется мне громче любого крика. Но вот её серые глаза опять светлеют, и кажется, что она снова на каком-то лёгком гребне волны, прибежавшей издалека...

– Если бы вы знали, как хотелось жить! – продолжает она. – Когда выдавались дни затишья, да ещё лётная часть неподалёку располагалась, да ещё клуб находился с гармонистом!.. Ну, мы шинельки одеялами обернём, этакую смешную «куклу» на кровати устроим (Чтоб старшина не разобрался, что нас нет, а то – наряд вне очереди!) – и на танцы.

Но самые счастливые дни были – банные. С помощью «движка» в специальной палатке нагревали котёл воды. Какое наслаждение – провести по телу мылом, обдать горячей водой, чтоб дышало.

Однажды после такой бани Настины подружки на холмике устроились. Так тихо было. И жаворонок над головой. Марийка – певунья первая в их роте – встала. Волосы русой волной по плечам рассыпались, руки она к жаворонку протянула. Вся, как песня. И вдруг выстрел! Ведь предупреждали их, что снайпер немецкий пошаливает. Ещё утром почтальонку, к ним спешащую на велосипеде, нашли с простреленной головой. А тут прямо на глазах падает Марийка с поднятыми руками, как в молитве, падает замертво рядом с оцепеневшими от ужаса подругами. И в одно мгновенье вернулись они в трагедию военного бытия.

Человек есть мера всех вещей. Этот старый лозунг античных мудрецов в годы войны приобретает свой особый смысл, внутри которого живёт дикое противоречие: оставаясь мерилом самой Жизни, человек становится жертвой чьих-то нечеловеческих страстей.

Я смотрю на Анастасию Семёновну Герасину. Она перебирает старые письма военных подруг, приходившие к ней долгие годы после войны. Сеточка морщинок у её глаз собралась в лёгкий пучок; под кожей рук – тонкие вены, подбираясь к дрожащим пальцам, сплелись в беспорядочный рисунок. Она бережно разворачивает пожелтевший листок – ещё одну страницу войны. И я говорю: «Анастасия Семёновна, можно я про Вас стихи прочитаю?»

– Про меня?!

И я читаю ей стихи нашего белорусского поэта Виктора Кудлачёва, словно списанные с этой картины.

Я письма старые читаю –
Писала их с войны домой.
Друзей погибших вспоминаю
И путь суровый фронтовой.
Седую голову склоняю
Над выцветшим давно листом,
Слова по буквам разбираю,
Читаю прошлое с трудом.
В солдатской памяти хранится
Войны далёкой горький след...
Как прежде май победный снится,
Хоть пробежало столько лет.

– И правда, – смахнула лёгкую слезу моя собеседница, – как будто про меня...

Фото иллюстративное

Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)